

СРЕДИ КНИГЪ.

КУЛЬТУРА и ХРИСТИАНСТВО.

«Не возвращаемся ли мы к варварству? Не присутствуем ли при смерти культуры?» Вопрос этот достаточно избит в наши дни. Ставит его, в своей новой книгѣ, и профессор Спекторскій (Е. Спекторскій «Христианство и культура», изд. «Пламя», Прага 1925, Стр. 308). Отвѣтъ, который он дает на него, заслуживает однако вниманія.

В отличіе от большинства своих философо-богословских единомышленников (нео-христиан) Спекторскій не только не преемлет и не проповѣдует «варварства», но, как *христианин*, горячо выступает в защиту культуры. Он сближает ее с христианством, считая общими их земную природу и цѣль: «творческой геній христианства», как и геній культуры, противен духу вырожденія и упадка.

Внѣ рамок прогресса христианство для Спекторскаго невозможно: «без прогресса нѣтъ христианства» (37); без культуры оно бесплодно (297). Христианство не бѣгство в пустыню, как кажется многим, не буддійская проповѣдь непротивленія, не отраженный от земли аскетизм. Христианство — бодрый призыв к труду и побѣждающему природу «радостному знанію». Евангеліе дает нам «законченное ученіе о прогрессѣ», и притча о сѣятелѣ («вышел сѣятель сѣять») есть «глубоко задуманная программа культуры». (29).

И не о какой-нибудь метафизической, «глубинно» понимаемой культурѣ идет у Спекторскаго рѣчь, а об обыкновенной земной культурѣ с ея искусством, науками, техникой. Отдѣлив от физическаго, сверхразумное христианство открыло свободное поле наукъ (126); открыв в лицѣ человѣка «лик», оно возвысило цѣли искусства (148); наконец, в чудѣ оно превосхитило технику (291). Техника родственна чуду: в ней, как и в чудѣ, матерія побѣждается духом, т. е. выполняется задача возложенная на нас христианством. «Нынѣ силы небесныя с нами невидимо служат»: завтра силы природы, видимо, нам будут служить (291). Вѣра в Христа предполагает вѣру и в человѣка со всѣми раскрытыми перед ним чудесными и неизвѣданными возможностями (291). Прогресс стоит перед христианином, как этическая задача, сущность которой не раствореніе человѣка в природѣ, согласно

античному идеалу, а преодоленіе ея, выход из под дѣйствія ея механическихъ законовъ и силъ.

Полнѣ всего связь христіанства с культурой раскрывается в общественной жизни. Истиннымъ об'ектомъ культуры является вѣдь общество: безъ энтузіазма обществѣнности» культура по просту невозможна. Откуда же почерпаетъ человѣчество этотъ энтузіазм, — это, *религіозное* по существу своему, чувство, — если не из христіанства. Какъ никакая другая религія, христіанство является источникомъ высокихъ общественныхъ чувствъ. Черезъ проникающую его идею «всечеловѣчности», черезъ «заданнаго» (а не даннаго) ему человѣка именно оно призвано осуществить *настоящее* общество (170) в моральномъ значеніи этого слова — общество, какъ «соборность», или свободный союзъ одухотворенныхъ работой во имя Божіе лицъ (174). Но такова именно цѣль и прогресса культуры.

Развитіе в людяхъ «общественнаго сознанія, общественной воли и общественныхъ чувствъ» (175) — вотъ эта, всецѣло совпадающая с христіанскимъ заданіемъ, цѣль.

Три этапа различныхъ на пути к ея достиженію, три пути культурно-общественнаго развитія — «доместикація» (первоначальное прирученіе черезъ кровныя связи), «цивилизация» (подчиненіе черезъ публичную власть), «соціация» (вольный союзъ свободныхъ). Двѣ первыя ступени идеально отразились в христіанствѣ, какъ «братство» и «Божіе царство» — предметъ постоянныхъ христіанскихъ молитвъ. Послѣдняя ступень — по преимуществу христіанская, вѣдь христіанства недостижимая. «Соціация» есть синтезъ «Божьяго Царства» и «братства» — «к новой землѣ и новому небу устремленная, единая церковь» (203).

В «соціацию» же, и, значит, в христіанство, упираются и всѣ истинно прогрессивныя тенденціи современной общественности — движеніе от «системы личныхъ правъ» к «системѣ правоотношеній» в области юриспруденціи (228), от «частнаго» (вотчиннаго) и «публичнаго» (политическаго) государства к «соціальному» (этическому) государству в области политики (268), от матеріализма «политической экономіи» к идеализму экономіи, «соціальной» в области хозяйства (281).

Какъ мы видим, Спекторскій далекъ от проклятій «міру новой исторіи» с его «прогрессомъ», «цивилизацией», «гармонизмомъ». Однако, и он не избѣжалъ вполне участи другихъ современныхъ философовъ-христіан. И онъ бичуетъ демократію, какъ «царство грознаго и грязнаго Калибана» (274); и ему ненавистны «проникнутыя ложью и лицемѣріемъ» принципы народоправія; и для него Лига Націй — «уродливый выкидышъ современнаго правосознанія» (228) а социализмъ — «муравейникъ, состоящій изъ рабовъ коллектива» (293).

Какъ об'яснить такое противорѣчіе: с одной стороны всѣ прогрессивныя устремленія современнаго общества преемлются, какъ ведущія к христіанскимъ цѣлямъ, с другой — проявленія

этих же устремлений осмѣиваются и отвергаются, как противныя христіанству. В дѣйствительности тут не противорѣчія, а сознательная или безсознательная ошибка метода — неправильное сопоставленіе дѣйствительности и идеала. Идеал всегда возвышает, а историческое воплощеніе его возвращает на землю. Спекторскій хорошо различает эти двѣ категоріи, но тут же их и мѣшает. Все близкое к идеалу для него сливается с христіанством, а все реальное с «политикой» и «прогрессом». Так в свободѣ есть и подлинно освобождающій элемент — момент моральнаго преображенія челоуѣка — и элемент разнузданности — «свобода обогащаться давя других», «куражиться над болѣе слабым» и т. д. Свободу перваго рода Спекторскій называет христіанской, а вторую — цѣликом относит к «политикѣ». То же самое с *равенством*: возвышающее равенство, «присвоеніе всѣх к трансцендентному идеалу» (276) это от христіанства, а равенство мнимое — чисто формальное или даже принижающее челоуѣка это либо от «демократіи» (демократія фактически есть господство богатых), либо от «коммунизма» («равненіе на менѣе цѣнных»), либо от «соціальной тираніи»). О *братствѣ* не приходится уже и говорить: «брат» это христіанин; продукт социализма «товарищ».

«Политика» всюду, таким образом, посрамлена «христіанством». И не мудрено: как же идеалу не посрамить дѣйствительности. Но как быть с эмпирической церковью, с христіанством, извѣстным нам из исторіи. Вѣдь эмпирическая церковь — этого не станет отрицать и Спекторскій, — не менѣе далека от идеала «всечелоуѣчности», чѣм эмпирическая демократія, скажем, от «соціальнаго государства». Но эмпирическое христіанство Спекторскаго не интересуется: христіанство он знает только одно, то в котором выражен его собственный, культурный и общественный идеал. «Политика», напротив, берется им исключительно «как она есть» (социализм, напр., без дальних слов отождествляется с большевизмом). Если бы этим же методом воспользовался сторонник свѣтской культуры, он бы сказал: «вот наш идеал демократіи, вот наш социализм (братскій союз, соціалія, соборность и т. д.), а вот *ваше* христіанство — пуританское ханжество, побѣдоносцевщина, иезуитизм....»

Чтобы понять друг друга и сговориться «противники» должны, очевидно, стоять на одинаковой почвѣ — либо на почвѣ отвлеченнаго идеала, либо на почвѣ челоуѣческой практики. Разногласіе между «христіанством» Спекторскаго и «политикой» демократов в обоих случаях могло бы исчезнуть. В теоріи обѣ стороны примкнули бы к «радостному труду» и к «соціальному государству», в практикѣ обѣ отвергли бы современную російскую «соціалію» и «всечелоуѣчность» побѣдоносцевской церкви. Если социализм есть московская практика, а народоправіе — гегемонія денежнаго мѣшка, так какой же демократ не крикнет вмѣстѣ со Спекторским — «долой народоправіе», «не надо социализма», а когда христіанство на дѣлѣ поведет нас к «сотрудни-

честву свободных», какой-же прогрессист не примкнет в общественной борьбѣ к христіанству.

Иной вопрос — какое из двух міросозерцаній законченнѣе, чья идеологія непосредственнѣе связана с дѣлом культуры. Тут «противникам» столкнуться будет труднѣе. «Христіанин» не перестанет твердить о непричастности «политика» к трансцендентному идеалу и, значит, поверхности всѣх его построений, а «политик», опираясь на книгу того же Спекторскаго, и его же словами будет утверждать, что «христіанство не занимается земным устройством человѣческих поколѣній» (191), что цѣли его «наджизненны и надземны» (191). Противники не поймут друг друга, как люди, говорящіе на чужих языках.

Но если *языка* чужого они не поймут, не смогут ли они столкнуться на *дѣль*. Разными языками люди могут, вѣдь, говорить об одном. — «Все положительное в прогрессизмѣ от христіанства», — «все положительное в христіанствѣ от прогрессизма» — нельзя ли понять это, как двѣ формулы одной и той же культурно-общественной программы. Исторія рѣшит, которая из формул точнѣе, а так ли уж важно рѣшать этот спор сейчас. Истинность дѣла не зависит от слов, а истинное содержаніе слова опредѣляется дѣлом....

Спеціалисты найдут, конечно, в книгѣ Спекторскаго матеріал для богословской полемики. Для нас она цѣнна, как проявленіе прогрессистских тенденцій в такой философской средѣ, которая доселѣ питала, обычно, чувства враждебныя прогрессизму.

Ив. Херасков.

ПОЛЬСКІЙ ИСТОРИК О РОССИИ.

Польскій ученый Ян Кухаржевскій, выпустившій уже второй том своего изслѣдованія, о началѣ котораго был дан в свое время отзыв, «От бѣлаго царизма к красному», доказывает, что русскій народ на протяженіи всей своей исторической жизни обнаруживал предрасположеніе к большевизму: и власть вела к большевизму, и народная масса была проникнута этим духом, и русская мысль обнаруживала всплывшіе теперь наружу задатки.

Русская власть, в лицѣ ея типичных представителей, была всегда проникнута духом максимализма, крайняго и неуступчиваго. Так, напримѣр, Николай I признавал теоретически только двѣ формы правленія: абсолютизм и народную республику. Конституціонализма он не признавал. Характерно и то, что Александр II относился подозрительно к слову «прогресс», находя, что оно неумѣстно при самодержавном строе; Николай II